

Валентина
АКУЛЕНКО

г. Петрозаводск

Отрасти по «итальянцу»

рассказ

Во дворе блочной пятиэтажки однажды появился ...диван. Будто с неба упал. Не абы какой потертый, отслуживший своё, а новый, достойный места в уютной квартире, а не под открытым небом. Диван, блиставший на солнце коричневым кожаном, выглядел залётным аристократом среди унылых и ветхих дворовых атрибутов: пары самодельных скамеек, остатков детской песочницы, давно не видевшей песка. Скрашивали картину кусты благоухающей сирени и желтые островки календулы в «вазонах», сооруженных дворником бабой Маней из старых автомобильных покрышек.

Баба Маня, которая по долгу службы увидела диван первой, с минуту озадаченно им любовалась. Затем из любви к порядку и уважения к красивой вещи она проворно смела трех соседских кошек, успевших разлечься на гладком диванном ложе. Дворничиха тщательно осмотрела нежданного гостя со всех сторон и, убедившись в его безобидности, заботливо протерла диван тряпкой, всегда имевшейся в кармане форменного халата. За-

кончив осмотр и профилактику, баба Маня осторожно, со вздохом уселась на диван отдохнуть и погадать, откуда же он тут взялся, кто и почему решился выбросить такую добротную и дорогую вещь.

Разные догадки приходили в голову бабы Мани, немало повидавшей на своем веку, — не терпелось с кем-то поделиться. К бабы Маниной радости, из подъезда вышла сама Маргарита Львовна — нештатный управдом. Увидев восседавшую на диване бабу Маню, Маргарита Львовна чуть покачнулась на своих высоченных каблуках, но удержалась, ухватившись за толстые ветви сирени.

— Утро доброе, Львовна! Присядь на минуточку! — баба Маня похлопала ладошкой по упругому сиденью.

— Что это, Мария Ивановна? Кто это додумался диван здесь поставить? Не из нашего дома? — Маргарита Львовна растерянно хлопала подкрашенными ресничками, аккуратно нарисованные ниточки бровей подскочили почти до самой прически, как всегда пышно взбитой начесом и крепко орошенной лаком.

Натура Маргариты Львовны, ценившей ясность и порядок во всем, не принимала подобные сюрпризы. Она, в недавнем прошлом мастер цеха на бывшем лесопильно-мебельном комбинате, была по уши загружена еще и общественной работой. Выйдя на заслуженный отдых, когда комбинат уже был приговорен, не выдержав требований рыночной экономики, Маргарита Львовна осталась верной ушедшей эпохе, ценившей честных тружеников и энтузиастов. Её родной комбинат, одно из крупнейших в их северном городе Петровске предприятий, давал многим жителям профессию, стабильный заработок, бесплатную жилплощадь в порядке очереди, льготные профсоюзные путевки в санатории и дома отдыха и другие социальные блага. Комбинат давно закрыли, правила жизни поменялись, а Маргарита Львовна оставалась прежней – от прически до моральных принципов. Соседская молодежь, посмеиваясь, называла Львовну совком. Если бы кто-то в глаза так её назвал, она бы нашлась, что ответить. Ей было что им предъявить.

Не кто-нибудь, а она согласилась стать нештатным уполномоченным сначала по своему подъезду, а потом и по всему дому. Других желающих на неоплачиваемую докучу не нашлось. За этот «совковский» энтузиазм жильцы, из тех, кто хотел чистоты и порядка в доме, были премного благодарны Маргарите Львовне. Даже её манеру не по возрасту одеваться и украшаться: высокие каблуки, коротковатые юбки, взбитые в высокую прическу седые волосы, излишки дешевой косметики на поблекшем лице – все, что выглядело странно на разменявшей седьмой десяток даме, все это принималось как особый стиль Львовны. Так по заводской привычке называли её соседи – тоже в основном бывшие работники комбината. Она, похоже, и осталась для них мастером цеха, «командиром». Правда, когда Львовна управляла цехом, то получала за ударную работу заслуженный почет и положенную зарплату, теперь же ввалила на себя порядок в доме за «спасибо».

Обслуживающая дом и двор управляющая компания считалась со строгой уполномо-

ченной как со своим работником. Любые перебои с водопроводом, электричеством и прочим устранялись по её первому требованию. Иначе, как давно убедились коммунальщики, выходило себе дороже.

Кроме того, в доме знали, что Львовна много лет заботливо ухаживает за старенькой матерью, прикованной к постели тяжкими недугами. При этом никто никогда не слышал от Львовны жалоб на то, что встает к больной и среди ночи, что поднимается ни свет ни заря, чтобы умыть, накормить старушку с ложки, дать лекарства.

Нравился соседям и открытый характер Маргариты Львовны – что не чуралась присесть на скамеечку, чтобы рассказать без прикрас и с юмором про себя и других послушать. Да и наряжалась управдом не только из женского кокетства, но и по привычке публичного человека всегда быть в форме. Наведя марафет, она раз в неделю спешила в Дом офицеров на репетиции хора ветеранов армии и флота.

В молодости Маргарита солировала в хоре сильным, как и её характер, сопрано. Там она встретила свою единственную любовь – статного кадрового военного в чине майора. Андрею, кроме яркой внешности, бог дал и бархатный баритон. На концертах они не раз пели дуэтом. Она из-за малого роста очаровательно поднимала на него свои зеленые глаза. Чернобровый кареглазый великан и не заметил, как влюбился в хрупкую дюймовочку с крепким, однако, характером. Поженились они в свой день рождения, когда обоим в один год, месяц и день исполнилось по тридцать лет. Родился сын, назвали, как отца, Андрюшей. Как говорят, счастье оборвалось на самой высокой ноте. Через три года после рождения сына Андрей Архипов погиб в Афганистане, как потом писали в местной газете, «геройски, при исполнении интернационального долга». Хоронили тогда уже подполковника Архипова со всеми воинскими почестями и посмертной наградой. От горя у Маргариты пропал голос. Когда же восстановился, она уже не солировала на концертах. Но петь в хоре не бросила.

Работа на комбинате, забота о больной матери заполнили жизнь Маргариты. Сын служил на Северном флоте, жил в Мурманске. В Заполярье и женился. Пока у молодых не родились малыши — сначала Андрейка, за ним Маргарита — половину своего долгого отпуска сын с невесткой проводили в Петровске. Когда дети подросли, стали бывать у матери только проездом на юг, к Черному морю. Запасались здоровьем на длинную полярную зиму. Маргарита Львовна не то что не обижалась... Радовалась, что внуки каждый год по два месяца греются на солнце и купаются в теплом море.

Глядя на неизменно оживленную Львовну, легко было подумать, будто ей особо не о чем страдать и тревожиться. Никто из соседей не видел её хмурой, зато смеялась она часто и звонко. Завистников, какие всегда находятся, раздражала эта её всегдашняя бодрость.

Соседи за стенкой, семья милиционера Романа Дерябкина, посмеивались или ворчали, услышав, как Львовна тренирует голос перед очередным концертом. Ехидничали, когда видели, что Маргариту Львовну провожает до подъезда пожилой отставник с выправкой военного. В такие минуты наблюдать за сияющей Львовной с дареным букетом в руках для одних было удовольствие, для Дерябкиных и иже с ними — лучший повод для насмешек. Дескать, постыдилась бы своего возраста, наряжается и кокетничает, как девочка. А Львовне хоть бы хны!

Высокие каблуки лаковых туфель казались чуть ли не выше её самой, коротенькой и полненькой. Даже и таких каблуков ей едва хватало, чтобы дотянуться до уха провожатого и шептать ему что-то забавное, должно быть, из только что пережитого на концерте. Седовласый, довольный своей неунывающей спутницей отставник бережно, за локоток, поддерживал Львовну, купавшуюся в волнах успеха на сцене Дома офицеров.

...Придирчиво осмотрев диван и убедившись в его безупречном состоянии, Маргарита Львовна устроилась рядом с бабой Маней.

Обе озадаченно молчали. Звонок в управляющую компанию ничего бы не решил, тем более в воскресенье. В милицию тоже не было смысла обращаться: диван ничьё спокойствие не нарушал. Как же быть?

Плотник Семен возвращался с очередной подработки усталый, но, увидев диван и сидящих на нем соседок, не прошел мимо.

Семен Аверин и на комбинате числился плотником, хотя освоил и несколько смежных специальностей, за это носил почетное звание «мастер-золотые руки». Семена и в прежней жизни ценили, и в нынешней он неплохо устроился — частных заказов на плотницкие работы хватало.

Критически осмотрев диван, Семен деловито заметил:

— Видно, что импортный. С нашими тяжеловесами не сравнить. Итальянская вещь, должно быть. Декор, отделка... Класс! Какой дурак его сюда выставил?

— Ну, не скажи, Семен! — вступилась за родной комбинат Маргарита Львовна. — Нашему комбинату, ты же помнишь, за свою продукцию тоже краснеть не приходилось. Спрос был и заказы... Полгорода на наших диванах спит.

— Так это, Львовна, когда было! Сегодня богатые на итальянских отдыхают, на таких вот... — Семен картинно откинулся на спинку дивана.

— Наши, говоришь, плохи? А этого «итальянца» почему выбросили? Может, у него только красота и есть, а все остальное так себе? — неуверенно возразила Львовна.

— Слушайте, дамы! Я где-то читал, что у итальянцев и других иностранцев есть традиция выбрасывать старую мебель. Прямо с балконов и из окон бросают... Представляете?

— Ну-у, — протянула Львовна, — слышал звон... Старьё и надоевшее они под Новый год выбрасывают... И не все, наверное, а те, у кого деньги на замену есть... А этот же совсем новый!

Маргарита Львовна радостно встрепенулась и поспешно соскочила с дивана, когда увидела выходящего из подъезда Ивана Степановича. Львовна безгранично уважала со-

седа — бывшего главного инженера того же мебельного комбината, где сама с рядовой лакировальщицы доросла до мастера цеха. Трудовую биографию Львовны помнили старожилы дома — бывшие работники комбината, на средства которого и построен дом, где больше сорока лет назад они получили отдельные квартиры.

Иван Степанович Чернышев три года как овдовел. С женой Ниной Александровной, учительницей математики, они жили душа в душу и считались самой примерной супружеской парой в доме. Ивана Степановича навещала из Петербурга дочь с внуками. Но дочь возвращалась домой, а отец — к своему одиночеству. Пенсии на жизнь хватало. Только сидеть без дела бывший главный инженер не умел. Помогал студентам-технарям готовить дипломные работы. Можно сказать, за копейки. И ещё как помогал! Прочитав одну из новоиспеченных работ от Чернышева, профессор, угадавший неведомого ему автора, заметил выпускнику: «Того, кто вам помогал, я не раздумывая пригласил бы на нашу кафедру. Да хоть сегодня». Молодой человек передал Ивану Степановичу эти лестные слова вместе с небольшим гонораром. Когда-то Ивану Чернышеву, выпускнику с красным дипломом Ленинградского политеха, прочили успешную научную карьеру, приглашали в аспирантуру. Ему же больше пришлось по душе предложение директора Петровского лесопильно-мебельного комбината занять вакантное место главного инженера. Директор брал не kota в мешке. Чернышева он присмотрел, когда тот проходил на комбинате преддипломную практику.

— Иван Степанович, дорогой, доброе утро! Вот взгляните-ка на это чудо! — Маргарита Львовна, кокетливо одернув жакет из модного в шестидесятые кримплена, кивнула на диван.

— О, Маргарита Львовна, с покупкой вас! Красивая вещь, поздравляю. А почему прямо в квартиру не доставили?

— Хороша Маша, да не наша, Иван Степанович! Может, присядете? Есть у вас минуточка?

— Время-то есть. Но не диванный я человек. Вы же знаете. А рядом постою.

Решение провести собрание жильцов по поводу дивана пришло Маргарите Львовне в голову, когда набрался «кворум». Соседи не возражали: выходной — почему бы не посидеть на свежем воздухе среди сирени?

— А вот и Ирина Михайловна идет! — радостно объявила Львовна, кося в сторону молодой, симпатичной соседки одним глазом, другим своим зорким зелёным глазом она заметила, как вздрогнул и смутился Иван Степанович. Наблюдательная Львовна догадывалась, что Чернышев неравнодушен к Ирине, подруге его покойной супруги Нины Александровны. Соседки-подруги работали в одной школе. Ирина Михайловна вела английский язык. Нина Александровна — математику.

Ирина Михайловна, удивленно улыбаясь, подошла к окружившим диван соседям.

— Кого поздравить? Не диван, а мечта лежебоки! Только почему он здесь?

— Вот и мы хотели бы знать почему. — Маргарита Львовна жестом предложила всем присесть на диван. Сама же быстренько сбегала за табуретом в свою квартирку на первом этаже. Дело в том, что полные ножки Львовны, когда она сидела на диване, не доставали земли. Она смекнула, что выглядит это несолидно. Вернувшись с табуретом, Львовна уселась перед диваном: так удобнее вести собрание. Пока «кворум» усаживался, подошли и другие соседи.

Без долгих слов согласились на предложение Ивана Степановича подождать два-три дня, не появятся ли владельцы дивана, и это время заботиться о его сохранности. Вещь дорогая. Может, доставщики были подшофе и выгрузили не по адресу? И не такое случается.

— Да хоть и неделю можем охранять, ничто белые, июнь, слава богу, теплый, — великодушно дополнила Зоя Кириллова — хозяйка двушки на втором этаже с балконом во двор. Зою тоже поддержали.

Первое покушение произошло ночью. Четверо местных бомжей попытались затащить

диван в свое логово. За их потугами, давясь от смеха, наблюдала со своего балкона Зоя Кириллова. Бомжи смогли поднять и передвинуть диван метров на пять. Дальше сил не хватило. Матерясь друг на друга, бедолаги отправились восвояси.

— Мало каши ели... Ишь, диван кожаный им подавай, бездельникам чумазым, — смеясь и зевая, Зоя отправилась спать, довольная своей каральной вахтой: будет что рассказать соседям.

Дежурство Маргариты Львовны прошло почти гладко. Всю ночь она держала открытым наблюдательное окно в кухне. Незнакомая парочка попыталась заняться на диване любовью, но от грозного окрика Львовны их как ветром сдуло.

Отбивать дневные атаки детей на диван оказалось хлопотнее ночных дежурств. Но и с этим дружно справлялись.

Приходили жильцы из соседних домов, решив, что вещь выставлена на продажу, и уходили разочарованными.

Между тем над «итальянцем» уже не первый день кружилась, алчно примериваясь, хищная тень. Разве мог Роман Дерябкин, не в меру хозяйственный блюститель порядка, допустить, чтобы такая вещь оставалась бесхозной? Соседи знали слабость главы семейства Дерябкиных к тому, что плохо лежит. Знали, что именно Роман, один на весь дом милиционер, потихоньку раскурочил детскую песочницу, ночами отрывая от неё по доске или по две, чтобы увезти на свою дачу, которую перекупил недорого у «раскулаченного» им же предпринимателя.

Роман не побрезговал и изящной рекламной скамеечкой, подаренной их двору одной из торговых фирм. Только один день и успели посидеть на ней неработающие пенсионерки. На другой же день скамеечка «переселилась» сначала в квартиру Дерябкиных, потом — на дерябкинскую дачу.

Для новой своей охоты Дерябкин выбрал момент, когда очередного дежурного, Семена Аверина, клонило ко сну. У июньских белых ночей бывает самый темный момент, ближе к утру, когда все спят. Его Роман и выбрал. Правда, он не рассчитал, что бдительная

Львовна подстраховывает дежурных. А в ночь, намеченную Дерябкиным, Львовна вообще не прилегла ни на минуту, потому что больной матери стало хуже.

Когда Роман с сыновьями легко подняли диван и сделали несколько шагов, Львовна вышла из подъезда. Увидев её, Дерябкины опустили свою ношу.

— Вот, подумал, зачем такой вещи под дождем мокнуть... Пусть уж в квартире постоит, пока хозяева не спохватятся... — залепетал Роман, не глядя на бдительную соседку.

— Так уже объявился хозяин, звонил мне вчера, — соврала сметливая Львовна. — Зачем вам утруждаться, в квартиру затаскивать? С улицы хозяину сподручнее грузить будет...

Скандалить у Львовны не было ни сил, ни желания. И она, и Дерябкин прекрасно поняли друг друга. Разошлись с миром, но в прежнем состоянии острой неприязни друг к другу.

«Вором родился — вором и помрет. Как только его в милиции до сих пор держат?» — в который раз уже подумала о Дерябкине Львовна.

«Вот же сволочная баба! Припугнуть бы её. Да свяжись с такой — чего доброго в трубу вылетишь», — злился на Львовну Дерябкин.

Чего можно ждать от Дерябкина, почти все в доме давно знали. В отличие от вороватого блюстителя, благообразные сестры-близнецы Букины пакостили по-тихому. Высокие, статные, незамужние, бездетные, не изнуренные трудом, они выглядели моложе своих восьмидесяти лет. Всюду ходили парой. Держались надменно. На комбинате, где они когда-то прочно укрепились в бухгалтерии, их недолюбливали и прозвали буками не только из-за фамилии. Манере держать себя так, как будто все в чем-то перед ними виноваты, сестры Букины остались верны до глубокой старости. Потому Львовна не удивилась их реакции на появление дивана во дворе.

Заявившись ко Львовне в квартиру, Букины сердито в два голоса завершали:

— Это кто же диван во двор выставил? Не вы ли позволили? Напротив ваших окон поставлен... Может, ваш и есть? Или ваших знакомых?

— Нет, не мой. А что?

— А то, что безобразие это! Если все свои вещи во дворы выносить станут, что получится?!

— В квартирах просторнее будет, — пошутила Маргарита Львовна, прекрасно понимая, что Букины от этого только сильнее распалятся и в управляющую компанию полетит по почте ещё одна их жалоба. Там букинских доносов на «неправильных» соседей накопилось уже целая стопка.

Ещё Львовна знала, что, кроме слабости к сочинительству подметных писем, у сестер была и другая, тоже неизлечимая. Плотник Семен, когда в профкоме комбината ему прочли жалобу, которую настрочили на него Букины за «нецензурную брань в общественном месте», выразился в их адрес от всего своего возмущенного сердца: «Дуры пакостные! Еще и подслушивают у курилки!»

Букины и подслушивали, и легко верили всему, что их вдохновляло на поклепы. В новой жизни им страшно не хватало парткомов, профкомов, завкомов, которые они в недавнем прошлом заваливали своими обличительными сочинениями.

Маргарита Львовна, полюбовавшись раскрасневшимися от негодования «буками», вдруг неожиданно для самой себя сказала примирительно:

— Как же я запаматовала! Ведь объявление же в бесплатной газетке печатали несколько раз. Что по распоряжению мэрии во дворах будут вместо скамеек ставить диваны. Лучшим дворам достанутся кожаные, вот как этот. Всем остальным — деревянные.

— Почему только у вашего подъезда кожаный поставили? А наш подъезд даже деревянного не удостоился? — Букины чуть не плакали от такой несправедливости.

— Не знаю. Спросите об этом в управляющей компании. Только не по телефону, конечно.

В тот же день Букины сами отнесли свое письмо по хорошо известному им адресу.

На другой день к Маргарите Львовне пожаловал главный инженер компании.

— Маргарита Львовна! Вот прочтите это!

Какие диваны? Букины эти в своем уме? Что нам делать, как реагировать?

— Ну, не знаю, Федор Петрович... Хотя... Посоветуйте им написать в мэрию или уж сразу в суд заявление подать... — усмехнулась Львовна, разводя руками.

На шестой день дежурств уполномоченная по дому Маргарита Львовна снова пригласила соседей к дивану. Как всегда, нарядная и пахнущая неизменной «Красной Москвой», аромат которой перебивал даже терпкий запах дворовой сирени, Львовна торжественно объявила, что приглашает всех желающих на юбилейный концерт хора ветеранов армии и флота. Она тут же раздала соседям приглашительные билеты с программкой, в которой поименно были перечислены хористы. Её фамилия «Архипова» стояла в том почетном списке первой.

— А кто диван охранять будет? — забеспокоилась Зоя Кириллова.

Она не могла пойти на концерт: этот день совпал с её сменой в овощном магазинчике, где Зоя работала продавцом.

— Вот вас, Зоя Тимофеевна, и попросим. На вас вся надежда. А концерты еще будут, обязательно приглашу, почту за честь...

Круглые щёки пятидесятилетней, но девчоночьей бойкой Зои Кирилловой порозовели от уважительных слов Львовны, сказанных при соседях. Зоя выпрямилась, расправила плечи.

После концерта, который с аншлагом прошел в Доме офицеров, Иван Степанович, тот самый бывший главный инженер, решил пригласить свою тайную пассию Ирину Михайловну в кафе «на бокал шампанского». Потом они вместе возвращались домой, не подозревая, что это сближение приглашением на концерт входило в планы мудрой Маргариты Львовны.

На седьмое утро диван исчез. Только след от него и остался — широкий прямоугольник примятой травы. Дежурившая ночью Зоя Кириллова горячо доказывала соседям, что видела, как в пять утра к дивану подъехал автомобиль с тележкой. Из него вышли трое, погру-

зили диван, укрыли брезентом, и митькой звали, как растворились. Она даже выбежать не успела. Зое верили и не верили. Она, при всем к ней уважении, еще и не такие завиральные истории рассказывала. За то однажды и была наказана хулиганской выходкой подростков, написавших на её двери какой-то несмываемой краской: «Зоя — враля». Пришлось дверь заново красить. Кисточку и краску принесла тогда плачущей Зое сама Маргарита Львовна. Она прощала Зое её фантазии за добрый и отходчивый характер. Продавец Зоя Кириллова каждую осень звала соседей за отбракованными помидорами для домашней аджики и не забывала сообщить, если что-то подешевле в магазинчик завозили.

С того самого часа, как диван исчез так же внезапно, как и появился, все Зоины прежние истории померкли перед этой диванной. Её она без устали на все лады рассказывала продавцам и покупателям овощного магазинчика, в котором работала. Слушатели кивали, смеялись, но вряд ли кто верил, что все было именно так. Хотя, возможно, именно так и было.

Еще через несколько дней счастливый Иван Степанович попросил Маргариту Львовну стать свидетелем на торжественной регистрации их с Ириной Михайловной законного брака. Соседи начали собирать деньги по «кто сколько может» — договорились подарить будущим новобрачным диван, пусть отечественного производства, но похожий на тот, что неделю гостил у них во дворе.

Через неделю после загадочного исчезновения дивана в дверь Маргариты Львовны позвонил незнакомец. Увидев в дверной глазок нежданного гостя, она не открыла. Тогда позвонил телефон.

— Маргарита Львовна, здравствуйте! — раздалось в трубке. — Меня зовут Сергей. Я пришел, чтобы сказать вам спасибо... за диван. Пожалуйста, выйдите во двор, если нетрудно. Не бойтесь... Я тут не один, во дворе есть ваши соседи.

Выглянув в открытое окно, Львовна сделала знак рукой: заходите.

На пороге появился молодой человек, одетый стильно и дорого, в одной руке держал роскошный букет, в другой — что-то в нарядном пакете.

— Это вам! — волнуясь, протянул он цветы Маргарите Львовне. — Скажу вкратце, почему я здесь. Наверное, мы поступили глупо и некрасиво, уж извините нас, пожалуйста... — гость виновато опустил глаза. — Мы с моим другом и напарником по бизнесу были здорово подшофе и заключили пари. Он не сомневался, что, если мы оставим во дворе диван, его украдут или загадят в первый же день. Я ему не верил. Условились так... Если максимум три дня диван будет стоять в том же виде и на том же месте, то друг проиграл пари. Вы держали оборону целую неделю. Такого мы не ожидали. Почти все время, пока диван стоял в кустах, мы наведывались в ваш двор, наблюдали. Пожалуйста, возьмите на память. Это единственный экземпляр. Честно. Вы заслужили. — И гость достал из нарядного пакета большой кожаный фотоальбом.

Маргарита Львовна молча надела очки «для близи» и стала медленно перелистывать страницы. На четких, мастерски сделанных фотографиях она увидела себя и соседей. Вот дворник баба Маня метлой сгоняет с дивана кошек; вот они с соседями совещаются, сидя на диване под цветущим кустом сирени; вот она несет табурет, усаживается на него, чтобы вести собрание жильцов; вот она, нарядная и веселая, возвращается под руку с седовласым провожатым с концерта; вот она строго и пристально смотрит на милиционера Романа Дерябкина... На одной из фотографий Иван Степанович смущенно и влюбленно глядит на Ирину Михайловну, беседующую со Львовной...

— Знаете, я бы никогда не поверил в то, что произошло... Если бы это не произошло на самом деле. — Гость даже слегка покраснел. — А мой друг, представляете, нисколько не огорчился, что проиграл пари. Даже наоборот. Сказал: «Слава богу, не вымерли ещё люди, не помешанные на барахле и халяве. Жива ещё здоровая порода...»

Маргарита Львовна, так ни слова и не ска-

зав, скрылась в комнате, чтобы поставить подаренный букет в вазу. Гость, встревоженный её молчанием, заспешил было откланяться, но Маргарита Львовна тут же вынырнула из комнаты. Тряхнув высокой прической, изговорщицки улыбнулась и решительно приказала: «Вот вам моё наказание за ваше дурацкое пари и незаконную фотосессию: быстро – на кухню, будем пить чай. Пирог с капустой сама пекла, ещё теплый...»

В тот же вечер, уже выпроводив гостя, в сотый раз разглядывая фотографии в подаренном альбоме, под одной из них Маргарита Львовна обнаружила подарочный купон мебельного салона-магазина на 20 000 рублей. С надписью: «Уважаемой Маргарите Львовне!» Она растерянно охнула: «Как вернуть находку? Не спросила у гостя ни номера телефона, ни адреса».

Заглянувшие по-соседски Иван Степанович с Ириной Михайловной мягко и терпеливо уговаривали Львовну не расстраиваться, а принять подарок, сделанный от чистого сердца. Вопреки ожиданиям Маргариты Львовны, они пришли в восторг от остроумного фоторепортажа о диванной истории. На фотографиях их двор выглядел лучше и уютнее, чем на самом деле. Самой фотогеничной фи-

гурой была на снимках Львовна, нарядная и подтянутая в любое время суток.

Страсти по «итальянцу» изрядно оживили будни обычной старенькой пятиэтажки, но за новым причитающимся ей диваном Львовна не спешила. Поразмыслив, директор салона-магазина из уважения к пенсионерке – ветерану труда, вдове «афганца», откликнулся на просьбу Маргариты Львовны не отоваривать подарочный талон, а примерно на эту сумму посодействовать, чтобы ей подправили осевший памятник и сменили оградку на могиле погибшего мужа. Все было сделано быстро и в самом лучшем виде.

□

Валентина Владимировна АКУЛЕНКО

родилась в г. Сортавале (Карелия).

Окончила факультет журналистики СПбГУ.

Более 30 лет публикуется в карельских и ведущих российских изданиях:

«Комсомольская правда», «Советская культура»,

«Известия», «Литературная газета» и др.

Постоянный автор федерального еженедельника «Новый вторник»

и карельских национальных изданий.

Член Союза журналистов России.

Лауреат республиканских и всероссийских журналистских конкурсов

(золотая медаль лауреата ВВЦ;

диплом лауреата премии Союза журналистов России

«За профессиональное мастерство» и пр.).

Заслуженный журналист Республики Карелия.

Живет в Петрозаводске.

